

СЕЛЕНА НАЙТВУД

ТИШИНА

между нами

Селена Найтвуд

Тишина между нами

<https://litres.ru/73905146>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина потеряла голос после аварии. Вместо него она получила способность слышать тишину людей — их невысказанную боль, усталость и одиночество. Теперь любой человек рядом становится пыткой.

Чтобы спрятаться от мира, она приезжает в тихий приморский городок. Не лечиться — лишь переждать.

В маленькой книжной лавке «Последняя страница» Алина впервые встречает тишину, которая не ранит. Тишина Даниила — владельца лавки — похожа на музыкальную паузу: глубокая, спокойная, безопасная.

Между ними рождается осторожная, почти бессловесная близость. Записки на прилавке. Прогулки по пустому пляжу. Два человека, которые давно разучились доверять, но всё равно тянутся друг к другу.

Однако у Даниила есть тайна. Тайна, которая может разрушить единственное место, где Алина наконец почувствовала себя в безопасности.

«Тишина между нами» — нежная история о любви, которая исцеляет не словами, а присутствием. О цене доверия и о

голосе, который возвращается, когда перестаёшь бояться быть услышанным.

Селена Найтвуд

Тишина между нами

Глава 1. Другая тишина

Поезд замедлялся долго — как будто не хотел останавливаться, как будто и сам знал, что здесь это делать совершенно незачем. Алина стояла в тамбуре с рюкзаком у ног, смотрела в стекло, и считала бегущие перронные столбы — просто чтобы занять внутри себя то, что иначе начинало слишком громко *слышать*.

Три пассажира вышли раньше неё. Пожилой мужчина с тяжёлым чемоданом — его *тишина* давила в плечи, как рука незнакомца. Женщина средних лет с ребёнком — у ребёнка *тишины* не было, только движение и запах молока, это слышать было легко. Потом ещё кто-то безликий.

Алина вышла последней.

Перрон был короткий, мокрый, пустой — осень уже прошла здесь, не спросив ни у кого разрешения. Пахло морем и горьким листом, и ещё чем-то, что она не смогла назвать, — промокшим деревом, может быть, или временем. Небо лежало низко, серое, ровное, как выцветшая простыня.

Она постояла секунду.

Тишина перрона была... выносимой — редкие люди, редкие уколы боли. Вот тот мужчина в кепке, который ждёт кого-то: в его молчании есть что-то острое, нетерпеливое, по-

чти режущее. Вот девушка с телефоном — у неё *тишина* поверхностная, скользкая, почти ненастоящая. Можно терпеть.

Алина подняла рюкзак и пошла к выходу.

Такси — первое в ряду, серебристое, с продавленным сиденьем. Водитель, лет пятидесяти, коренастый, смотрел в телефон и не обернулся, когда она садилась. Она показала ему бумажку с адресом, подготовленную заранее. Он кивнул. Тронулись.

Его *тишина* была тяжёлой.

Не злой, не страдающей — просто тяжёлой, как вес, который носят так долго, что уже не чувствуют, но тело согнулось и выпрямиться не может. Алина смотрела в окно, жала пальцы на ремне рюкзака, дышала ровно. Один. Два. Три. Дома за стеклом были невысокими, облупленными с достоинством, как бывает в городах у моря. Деревья — уже почти голые, но ещё не сдавшиеся. Людей на улице мало.

Хорошо, подумала она. Мало — хорошо.

Ее способность работала всегда. Это не было даром в том смысле, который обычно подразумевает это слово. Скорее постоянный фоновый звук, который ты не можешь выключить, — *тишина* других людей, их молчание, всё то, что они не говорили вслух, давило на неё, как воздух давит на барабанные перепонки при спуске под воду. Иногда слабее, иногда нестерпимо. Зависело от человека. От его боли.

Она не называла это умением.

Такси остановилось у пятиэтажного дома на тихой улице.

Она передала деньги — точную сумму, заранее отсчитанную. Вышла.

Квартира оказалась такой, какой и должна была: чужой и пустой. Хозяйка оставила ключ под ковриком и записку «*Всё работает, звоните если что*» — это было трогательно и бессмысленно, потому что звонить Алина не стала бы ни при каких обстоятельствах.

Она прошлась по комнатам медленно, осматриваясь как кошка. Две комнаты. Кухня с видом во двор. Спальня с видом на улицу. Запах — нейтральный, немного лавандовый, немного пыльный у батарей.

Алина открыла рюкзак.

Блокнот. Карандаши в плоской жестяной коробке, обмотанной резинкой. Наушники — большие, плотные, те, что глушат внешний звук. Смена одежды. Зарядка. Всё.

Остального, наверное, не понадобится.

За одной из стен жила старушка.

Это чувствовалось сразу — как будто в стену встроен тихий генератор боли. Не острой. Не кричащей. Старой, такой, что уже устала быть болью и стала просто частью воздуха в комнате. Старушка, судя по всему, давно не разговаривала вслух — её *тишина* была плотной, многолетней, как наросты на днище ржавых барж.

А с другой стороны — молодой мужчина. Он не спал. Алина поняла это даже через стену, даже не видя его: его *тишина* была рваной, беспокойной, с острыми краями. Та-

кая бывает, когда лежишь в темноте и думаешь о том, о чём лучше не думать.

Она надела наушники. Не включила музыку — просто надела. Не потому что звук мешал, а наоборот — привычное давление на уши напоминало телу: у тебя есть граница. Ты — это ты. Их боль — это их.

Иногда почти получалось.

Она подошла к окну.

Море было видно плохо — дом загораживал угол обзора, но полоска его была. Серая, в мелких барашках. Живая.

Именно об этом она думала, когда выбирала место: море не молчит. Море шумит — неравномерно, непрерывно, без слов и без намерения. И поэтому море не давит. Оно просто есть, и его присутствие не требует от неё ничего.

Она стояла у окна и смотрела на эту серую полосу, пока что-то внутри не стало чуть тише.

Море не вылечит. Но спрячет.

Это не одно и то же.

Блокнот закончился ещё в поезде — последние страницы она исписала ночью, когда не спалось, волнистыми линиями и отдельными словами без связи. Теперь он лежал на столе пустой и бесполезный. Ей нужен был новый.

Это была единственная причина выйти.

Она знала заранее, что это потребует усилий. Она всегда знала заранее — как знают, что сейчас будет больно. Но блокнот был необходим, это было фактом, с которым не спо-

рят, поэтому она натянула куртку, опустила капюшон, сунула руки в карманы и вышла.

Улица встретила её терпимо.

Люди есть, но не много — осенний будний день в приморском городке, где туристов нет и жизнь идёт своим привычным ходом. Алина шла быстро, смотрела под ноги. Это помогало — если не смотреть на лица, то *тишина* людей становилась чуть менее прицельной. Чуть легче.

Витрины. Аптека. Кофейня, из которой плыл запах корицы и чужой усталости — там внутри был народ. Алина ускорила шаг. Продутовый. Снова аптека.

— Простите.

Женщина возникла сбоку — среднего возраста, в яркой куртке, с сигаретой в руке. Смотрела прямо на Алину.

— У вас огня не найдется?

Алина открыла рот.

Ничего.

Она попробовала ещё раз — просто сказать «нет», одно слово, это же одно слово, — но горло было такое же, как всегда: закрытое, немое, неспособное. Звук не выходил. Он никогда не выходил, уже давно.

Она замотала головой. Развела руками — жест, который должен был означать «нет, извините, у меня нет», — но жест получился слишком резким или слишком странным, потому что женщина нахмурилась.

— Не слышу, говорите.

Алина снова замотала головой.

— Ну что, так сложно ответить? — раздраженно буркнула женщина, уходя.

Алина стояла у стены какого-то дома — не помнила, как к ней прислонилась, просто оказалась у стены, — и ждала, пока уйдёт жжение в щеках и можно будет двигаться.

Один. Два. Три.

Это тоже было известно: немота пугала людей. Или раздражала. Или заставляла говорить громче, как будто проблема в слухе. Алина не злилась на женщину — просто ждала, пока та исчезнет из виду

Пять. Шесть.

Она подняла глаза.

На противоположной стороне улицы, немного наискосок, висела вывеска. Деревянная, немного потемневшая от осени, с аккуратными буквами: **«ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА»**.
Ниже, помельче: *книги · бумага · разное*.

Алина смотрела на неё несколько секунд.

Колокольчик над дверью звякнул тихо, вполголоса, как будто тоже старался не шуметь.

Внутри было тепло — не жарко, не душно, а так, как бывает в давно и прочно обжитом помещении. Пахло старой бумагой, деревом, может, воском или старыми переплётками. Алина не знала точно. Она остановилась у порога.

Несколько рядов стеллажей, невысокие, плотные. Полу-

мрак в углах. Узкий проход к окну, за которым видна улица. Прилавок у дальней стены — деревянный, тёмный, с лампой на нём.

За прилавком стоял мужчина.

Молодой. Примерно её возраста. Он что-то делал с бумагами — перекладывал или сортировал, — и на звук колокольчика поднял голову.

Алина почувствовала его *тишину* в ту же секунду.

И остановилась.

Это было непривычное ощущение. *Тишина* была — это было очевидно, она чувствовала её так же чётко, как всегда чувствовала чужое молчание, — но что-то в ней было другим. Не давящим. Не острым, не усталым, не тем болезненным плотным молчанием, которое она привыкла носить на себе, как влажную одежду. Его *тишина* была похожа на паузу. На такую, которая бывает в музыке между фразами — наполненную тем, что только что было и что вот-вот будет.

Он смотрел на неё — без вопроса, без лишнего, просто смотрел и ждал. Потом снова опустил взгляд к бумагам.

Алина выдохнула и зашла.

Прошлась вдоль стеллажей не торопясь. Стеллажи были организованы без видимой системы, но как-то правильно — по внутренним принципам, которые она не понимала, но чувствовала. Старые книги соседствовали с новыми. Где-то лежали блокноты в стопке, но немного, и не то.

Она подошла к прилавку.

Он поднял голову.

Алина показала руками: прямоугольник — блокнот. Потом жест, который обозначал вопрос. Люди обычно или понимали с первого раза, или начинали переспрашивать раздражённо.

Он понял с первого раза.

Ничего не ответил — просто повернулся, открыл ящик под прилавком, достал несколько блокнотов, разложил перед ней. Разные. Маленький в клетку. Средний с белой обложкой. Линованный, тонкий, дешёвый.

И последний — тёмно-синий, плотный, с текстурированной обложкой. Гладкий, матовый, увесистый.

Он не предлагал его по-особенному. Просто положил чуть ближе к ней, чем остальные. Молча. Без объяснений.

Алина посмотрела на него.

Потом взяла тёмно-синий.

Он кивнул. Достал листок бумаги — ценник, написанный от руки. Она достала кошелёк, отсчитала. Положила на прилавок. Он взял — не пересчитывая.

Больше ничего не происходило.

Она убрала блокнот в рюкзак. Повернулась к двери. Колокольчик снова звякнул — вполголоса.

Никто не произнёс ни слова.

На улице она немного постояла у дверей. Бесцельно, не понимая, зачем. Просто не уходила — секунду, две.

Его *тишина* была другой. Это было фактом, с которым

она пока не знала, что делать.

Домой она вернулась, когда начинало темнеть.

Квартира всё ещё пахла чужим жильём, но уже чуть меньше — или она успела привыкнуть, это трудно было отличить. Старушка за стеной всё так же молчала своим плотным молчанием. Молодой мужчина не спал — по-прежнему.

Алина прошла к окну, придвинула стул, устроилась. Открыла новый блокнот.

Долго смотрела на пустое белое поле.

Потом взяла карандаш и начала чертить. Волнистые линии, неровные, разной длины и плотности. Так она давно рисовала звуки: длинная пологая волна — море. Короткие острые — дождь по жестяной крыше. Плотная густая штриховка — *тишина* водителя такси. Она сама не всегда объясняла себе эту систему, но руки знали.

Остановилась посередине страницы.

Подумала.

Нарисовала отдельно — длинную ровную линию, почти прямую, но с очень мягкими подъёмами и спусками. Как музыкальная пауза. Как что-то, у чего нет лишних углов.

Посмотрела на неё.

Взяла карандаш снова. В углу страницы написала одно слово, маленькими буквами:

Другая.

Закрыла блокнот. Посмотрела в окно.

Море все еще было там — серая полоска, почти исчезнув-

шая в сумерках. Еле слышно шумели волны.

Алина держала блокнот в руках.

Первый раз за долгое время — не хотелось закрыть глаза.

Глава 2. Линия разлома

Она не спала.

Это не было неожиданностью — первые ночи в новом месте никогда не давались легко, тело не знало ещё, где граница между «здесь» и «там», и держалось настороже. Но дело было не только в этом.

За стеной слева старушка — Алина чувствовала её *тишину* даже сквозь сон, который у старушки, судя по всему, был таким же плотным и многолетним, как её молчание. *Тишина* старых людей была особой — она существовала, как мебель, которую перестали замечать, но которая всё равно занимает место в комнате.

Справа молодой мужчина наконец уснул — его *тишина* стала другой, немного рассеянной, как бывает у спящих. Это было чуть легче.

Алина лежала на спине и смотрела в потолок.

Блокнот лежал рядом — на тумбочке, закрытый. Она взяла его, не включая свет. Просто держала. Не открывала. Иногда этого было достаточно — держать что-то в руках, что не давит и не кричит и не требует ничего в ответ.

За окном шумело море.

Тихо, ровно — такой звук, что ни в какую сторону не качнёт, просто держит на поверхности, как вода держит того,

кто умеет не сопротивляться.

Запах проникал сквозь окно — солёный, сырой, с горьким привкусом водорослей или камней, она не умела различить. Просто море. Просто этот запах.

И вот тут что-то сдвинулось внутри, как слой грунта сдвигается перед тем, как обрушиться оползнем.

Потому что этот запах — солёный, с горечью — она помнила. Только не морем.

Коридором. Ночным освещением. Каталкой, которую везут по гладкому полу, и это скрипение колёс никуда не делось, застряв в углу памяти.

Алина закрыла глаза.

Они ехали уже больше часа, и Катя пела.

Не по-настоящему пела — просто подпевала тому, что играло в колонке на переднем сиденье, негромко, попадая в ноты не всегда, и это было смешно, и Алина смеялась. Легко, не сдерживаясь — запрокидывала голову и смеялась, и это тоже было просто.

— Ты вообще не умеешь петь, — сказала Алина.

— Зато с душой, — ответила Катя, не обижаясь, и добавила громкости.

За окном было темно — трасса, редкие огни, осенний лес по обочине. Они возвращались со дня рождения, пара бокалов вина, Катя говорила, что трезвая и пела громче в доказательство своих слов. Алина не спорила. Ей было хорошо

— вот именно так: хорошо, просто, без усилий.

Голос работал сегодня отлично.

Это она всегда замечала — когда хорошо, голос становился другим. Она говорила много сегодня, говорила смешно, говорила точно. На вечеринке был кто-то из театра, и они спорили про Чехова полчаса, и она не уступила ни в одном месте, где не хотела уступать. Голос — это она всегда знала — был не просто инструментом. Он был ею. Первым и самым верным способом присутствовать.

Она преподавала сценическую речь — третий год, в маленькой театральной студии, три группы, от четырнадцати до сорока двух. Это было странное место для работы, если смотреть со стороны. Если смотреть изнутри — единственное, где она понимала, зачем встаёт утром. Она учила людей говорить. Дышать перед тем, как говорить. Слышать себя.

Она откинулась на спинку сиденья. Смотрела в окно — лес, темнота, огни встречных машин. Думала о том, что в понедельник новая группа, совсем зелёные, и придётся начинать с самого начала, с дыхания. Они всегда приходят зажатые — грудь, плечи, горло. Думают, что говорить — это просто открыть рот.

Она улыбнулась.

— Ты чего? — спросила Катя.

— Ничего. Думаю про понедельник.

— Боже, — сказала Катя. — Ты неизлечима.

Алина засмеялась снова.

Потом был свет — очень яркий, не оттуда — и звук, который она не успела понять, и потом...

Потолок.

Белый, ровный. С длинной трещиной наискосок.

Она смотрела на эту трещину долго — не понимая сначала, где она, почему так больно в правом боку, почему рука привязана к чему-то твёрдому. Потом поняла, что не привязана — это капельница. Больница.

Она открыла рот — попробовала позвать. Имя, любое имя, Катя, мама, кто-нибудь.

Тишина.

Не тишина в палате — там что-то происходило, кто-то ходил, за занавеской говорили вполголоса. *Тишина* у неё в горле. Звук не выходил — он начинался где-то внутри и оканчивался там же, не добираясь до воздуха. Как будто между тем, что она хотела сказать, и тем, что могло выйти, кто-то поставил стекло.

Она попробовала ещё раз.

Ничего.

Паника пришла не сразу — сначала было просто удивление, как бывает, когда не понимаешь, что происходит, и мозг ещё пробует найти объяснение попроще. Она откашляется. Она просто не так дышит. Сейчас.

Но потом медсестра подошла к кровати — молодая, лет двадцати пяти, со стянутыми в хвост волосами, и её *тиши-*

на...

Алина зажмурилась.

Это было как удар. Не физический — что-то другое, что не имеет названия, потому что раньше такого не было никогда. *Тишина* медсестры давила, как будто кто-то положил на грудь что-то очень тяжёлое. Не ее злость, не ее боль — чужая. Глубокая, застоявшаяся, из таких мест, куда человек обычно не смотрит. У медсестры было усталое лицо и ровные движения. Снаружи — ничего. Внутри — что-то, что Алина почувствовала кожей, позвоночником, давлением за глазами.

Медсестра проверила капельницу и ушла.

Алина лежала, не двигаясь.

Потом, через какое-то время, вошёл кто-то ещё — санитар, пожилой, с тяжёлыми ботинками. Его *тишина* была другой: более плотной, более старой. Потом за занавеской зашевелился кто-то из соседей — женщина, Алина поняла по движению тени. Её *тишина* была острой, режущей, почти невыносимой.

Алина закрыла уши руками.

Не помогло. Это не было звуком. Это не шло снаружи.

Она не понимала, что происходит. Решила, что это побочный эффект. Лекарства. Анестезии, чего-то ещё. Что пройдёт. Что это не настоящее.

Пробовала снова говорить. Снова — стекло.

К ней пришла мама — она помнила это плохо, обрывка-

ми. Мама говорила что-то, голос у неё дрожал, она держала Алинину руку, и её *тишина* — тихая, привычная, родная — была единственной, которая не давила.

Потом врач. Слова «травма гортани», «наблюдать». Потом «может быть, восстановится». Потом он ушёл, не встретившись с ней взглядом, и его *тишина* успела ударить напоследок.

Ночь была невыносимой.

Палата дышала чужой болью, и Алина лежала посередине и не понимала, где она сама, а где — все остальные. Стекло в горле. Чужая *тишина* окружившая, как стены. Она думала: это пройдёт.

Но к утру поняла — с той тупой, не допускающей возражений ясностью, которая приходит после нескольких часов в темноте, — что не пройдёт. Что это теперь *так*.

Она не заплакала. Просто лежала и смотрела в потолок с заклеенной трещиной.

Потеряла голос. Получила — вот это. Это давление, этот постоянный шум чужого молчания. Как будто что-то сдвинулось в ту ночь, перекрылось в одном месте и открылось в другом, и она не выбирала ни того, ни другого.

Обмен, которого она не совершала.

За окном светало.

Алина лежала с блокнотом в руках, и смотрела, как темнота за окном становится сначала серой, потом светло-серой,

потом почти белой. Море шумело все так же — ровно, без перебоев.

Она не плакала. Давно уже. Потому что привыкла, и привычка сгладила остроту.

Она села. Включила маленькую лампу на тумбочке.

Открыла тёмно-синий блокнот. Взяла карандаш.

Посмотрела на вчерашнюю страницу.

Обычно она рисовала линии сначала — звуки, которые нельзя написать буквами. Но сейчас написала сразу. Буквами, аккуратно, посередине новой страницы:

Другая.

Посмотрела на слово.

Оно было то же, что вчера. Но что-то в нём уже не то.

Вчера она написала его про *тишину* в лавке — которая чувствуется не так, как остальные. Тогда это было вопросом.

Сейчас она написала его после воспоминания — после той ночи, больницы, медсестры, чужой боли на коже. После всего, чем стала её жизнь с тех пор.

Она поставила карандаш снова на страницу.

Ниже, с отступом, написала:

Его тишина — другая.

Не стёрла. Не зачеркнула. Хотя делала так часто.

Закрыла блокнот. Встала. Подошла к окну.

Светлогорск просыпался медленно и без спешки — первый свет лёг на крыши, на мокрый асфальт, на полосу моря вдаль. Где-то внизу прошёл человек с собакой. *Тишина* у

него была обычная, утренняя, почти пустая.

Алина стояла и мысленно сравнивала два слова в блокноте: одинаковые. Но про разное. Она точно ощущала разницу, но не могла сформулировать даже для себя.

Она не знала ещё, что с этим делать.

Но она задала себе вопрос. А вопрос — это уже что-то.

Глава 3. Все чужие сразу

Утром она решила, что сегодня будет обычный день.

Это была такая игра с собой: если назвать день обычным до того, как он начнётся, иногда он таким и получался. Алина встала, сделала чай, выпила его у окна, глядя на море. Небо было серым, как и вчера. Ветер гнул кусты у набережной, но тихо, без старания. Море шелестело.

В квартире было хорошо. Это она уже знала: соседи по утрам молчали по-другому — сонная *тишина*, не больная. Старушка за стеной ещё спала; её молчание было ватным, тёплым, без острых углов. Молодой мужчина сверху — тоже. Его ночная тревожность рассеялась к утру, и сейчас от него не веяло ничем, кроме глубокого сна. Алина иногда завидовала людям, которые умеют так спать.

Она выпила чай. Съела печенье — второе взяла, подержала и положила обратно, есть не хотелось, просто потянулась рукой на автомате. Открыла блокнот, провела пальцем по чистой странице.

Нужно было в магазин.

Она знала об этом с вечера, поэтому уже готовилась: мыс-

ленно проложила маршрут, выбрала время — не девять и не двенадцать, а десять сорок пять, когда обычно самый маленький поток. Выбрала список: молоко, хлеб, чай. Три предмета. Три — это терпимо. Больше пяти она не брала никогда, после того раза в Петербурге в большом супермаркете — там было восемь предметов и длинная очередь, и она вышла, бросив корзину прямо у кассы, и потом час сидела на ступеньках чужого подъезда, пока не перестало трясти.

Три — она сможет.

На улице было холоднее, чем казалось из окна. Алина втянула голову в плечи и пошла быстро — она не торопилась, но в движении было легче. Ноги знают, что делать: раз, два, три, четыре, угол, переход, снова прямо. Встречные прохожие расступались. Она смотрела в асфальт, дышала медленно, через нос — это не помогало в полностью, но давало что-то вроде якоря.

В магазине пахло хлебом и чьей-то усталостью — сразу, с порога. Алина остановилась у входа на пару секунд, не больше: дольше нельзя, потому что вне движения она начинала лучше *слышать*. Она быстро просканировала пространство. Кассирша у дальней кассы — её *тишина* была тяжёлая, как промокший ватник, набухшая от многих часов стояния на ногах, от многих одинаковых лиц, от усталости, которую некому показать. Женщина у молочной секции — злая *тишина*, она поругалась с кем-то до этого, может быть по телефону, и злость ещё не выветрилась, торчала из неё как плохо

вбитый гвоздь. У хлебного стеллажа стоял пожилой мужчина — его молчание было просто пустым, усталым, без особого содержания. Это был лучший из трёх вариантов.

Алина взяла корзину и пошла сначала к хлебу.

Хлеб — этот, в бумажной упаковке, не надо выбирать. Чай — вот этот, в зелёной коробке, знакомый, не надо читать состав. Она старалась не смотреть людям в глаза. Не потому что боялась, что заговорят. Просто взгляд — это дверь, и чужие двери лучше держать закрытыми, пока не просят открыть.

Очередь была небольшой — два человека. Алина встала третьей. Мужчина впереди переминался с ноги на ногу; его *тишина* звенела — что-то тревожное, навязчивое, как зуммер на одной частоте, который не можешь выключить, потому что не знаешь, где кнопка. Алина сосредоточилась на своей корзине. Пластиковая ручка. Зелёная упаковка чая. Белая крышка молока. Бумага на хлебе чуть мятая у края — не страшно.

Очередь двигалась.

Кассирша пробила товары, не подняв глаз. Алина протянула карточку. Терминал пикнул и выплюнул чек. Всё. Это всё, что требовалось. Никакого голоса. Никаких объяснений. Пакет, дверь, улица.

Она выдохнула только у подъезда, опёршись спиной о стену — на секунду, не больше.

Справилась.

Дома Алина поставила пакет на кухне, разделась, убрала продукты по местам. Потом почувствовала, как ноги становятся ватными. Она дошла до дивана и легла. Смотрела в потолок. Три предмета, два человека в очереди, кассирша, мужчина с зуммером внутри — всё это весило больше, чем должен был весить поход в магазин. Она не сердилась. Давно перестала. Просто — теперь это так.

Полежала. Встала. Поставила чайник.

Обычный день.

Вечером она обнаружила, что лавка видна из её окна.

Алина стояла у окна с кружкой — ее новая привычка — и смотрела, как внизу фонари набирают силу по одному. Сначала тот, у угла, потом дальний, потом средний, который всегда чуть запаздывал. Она уже выучила это их расписание.

Окно «Последней страницы» светилось мягким желтоватым светом. Не яркая реклама — просто свет в окне, как бывает по вечерам в домах, где ещё не спят. Алина заметила его не сразу: сначала просто смотрела на набережную, на силуэты кустов, на тёмную полосу моря за ними, и только потом взгляд зацепился за это окно.

За стеклом двигался силуэт.

Она не сразу сообразила, что это Даниил. Сначала подумала — человек расставляет книги. Медленно, без спешки: берёт с одной полки, несёт к другой, останавливается, смотрит, возможно читает корешок, кладёт. Снова берёт. Что-то в этом движении было успокаивающее. Просто человек и его

работа. Алина поймала себя на том, что смотрит дольше, чем нужно для того, чтобы понять, кто это.

Она попробовала почувствовать его *тишину* отсюда — с расстояния. Не вышло, конечно. На расстоянии это не работало. Но тело вспомнило само: легкая волна прошла по плечам, как будто она на секунду перестала сжиматься. Не расслабление — просто отсутствие того постоянного напряжения, которое она не замечала, пока оно не исчезало.

Алина отвернулась от окна. Сделала глоток — чай успел остыть.

За стеной у старушки что-то упало — скорее всего книга с края тумбочки, — и *тишина* квартиры стала другой, острее. Алина ушла в середину комнаты, туда, где стены меньше давили. Взяла блокнот. Полистала. Ничего не написала.

Когда подняла глаза, свет в лавке ещё горел.

Сон пришёл неожиданно.

Она не помнила, как заснула. Просто в какой-то момент не стало тяжести потолка над головой, и *тишины* соседей не стало, и сама квартира исчезла. Осталось что-то без названия — не место, скорее состояние, похожее на промежуток между вдохом и выдохом.

Свет повсюду, равномерный, словно он везде сразу и нигде конкретно. Под ногами ничего твёрдого, но и не пустота. Она шла или стояла — в снах это редко было важно, и Алина давно перестала проверять.

Крик внутри неё звучал. Он всегда звучал.

Это был не её крик — это было накопленное. Всё, что она забирала с улиц и из очередей, из соседских квартир и из случайных взглядов. *Тишина* кассирши с её промокшей усталостью. *Тишина* мужчины с зуммером. *Тишина* старушки за стеной. Весь этот шум без звука складывался в голове в постоянный низкий гул — как трансформаторная будка — который слышишь только ночью, потому что днём заглушает остальное. Алина жила с ним настолько давно, что уже не всегда отличала его от тишины.

Но здесь он был не таким громким.

Она остановилась — или перестала двигаться, или то и другое сразу.

Кто-то был рядом. Она не видела — просто знала, как чувствуешь наличие двери по сквозняку. Присутствие без силуэта, без голоса, без лица, без намерения приблизиться или объяснить. Оно просто было рядом, и это было всё. Как стена, к которой можно прислониться. Как тихое место внутри шумного.

Гул в голове сделался тише ещё на один слой.

Алина не двигалась. Она не боялась этого присутствия — и это само по себе было странно, потому что чужое присутствие в снах раньше всегда несло с собой что-то: чужую боль, чужую тяжесть, то, что потом нужно было стряхивать по утрам, как прибитую к одежде пыль. Это было другим. Оно ничего не несло. Оно просто стояло рядом и не требо-

вало ничего.

И в этом сне Алина сделала то, чего не умела делать наяву. Она отпустила.

Не сразу — постепенно, как отпускают что-то, что несли очень долго, когда тяжесть стала нормой, стала частью осанки, частью того, как держишь голову и дышишь... Сначала плечи. Потом спина. Потом руки, которые в жизни почти всегда были чуть напряжены — готовы закрыть лицо, или нащупать стену, или крепче держать блокнот. Потом тот узел между лопатками, который она обнаружила только тогда, когда он начал расходиться — она не знала, что он был, пока не почувствовала, что он исчезает.

Гул почти пропал.

Присутствие рядом не двигалось. Не касалось. Не говорило. Просто оставалось, и этого было достаточно — и это было странно, потому что раньше такого не было никогда. Алина стояла в этом свете отовсюду и ниоткуда и дышала. По-настоящему дышала — не выполняла упражнение, чтобы выдержать очередь, а просто потому что воздух был там и лёгкие его принимали.

Потом картинка вздрогнула. Как бывает, когда спишь и вдруг кажется, что падаешь: тело реагирует быстрее головы. Она проснулась.

Темнота. Потолок. Запах своей-чужой квартиры — лаванда, соль, пыль. Щёку что-то щекотало, и Алина не сразу поняла — провела рукой. Слёзы. Она плакала во сне. Не от

горя или печали — просто так, слёзы шли сами, как вода сквозь дыры в трубе, без усилия и без смысла.

Алина лежала и ждала.

Ждала привычного — изнеможения, той сухой пустоты после, с которой она обычно просыпалась. Тяжести, которая садится на грудь раньше, чем открываешь глаза.

Её не было.

В груди было легко. Странно, необъяснимо — слегка похоже на то, как бывает после долгой болезни, когда жар уходит ночью и первый раз делаешь вдох без усилия и не веришь, что это настоящее.

Алина не двигалась. Боялась, что пошевелится — и пройдёт.

Не прошло.

Она заснула снова — быстро, без борьбы, как будто кто-то убрал что-то, что мешало.

Даниил лежал в темноте и смотрел в потолок.

Что-то изменилось — он не мог сказать точнее. Не слово, не звук, скорее температура. Там, в том другом пространстве, где он всегда это чувствовал, — чей-то крик стал чуть тише. Не исчез совсем. Но зазвучал мягче, словно боль, которую крик нес, выплеснулась, и остался только звук...

Он полежал ещё немного. Перевернулся на другой бок. Заснул.

Утром она открыла блокнот и попробовала написать про сон.

Слова не находились. Это был не такой сон — где потом можно пересказать: приснилось то-то, случилось это. Там не было сюжета. Там было ощущение, которое при попытке поймать расплывалось. Как пытаться удержать рукой туман — он есть, пока ты не берёшь.

Алина взяла карандаш и нарисовала. Замкнутый контур — неровный овал. Закрасила изнутри штриховкой, мягко, без нажима. Рядом нарисовала ещё один овал, поменьше — без имени, без лица, просто рядом с первым. Между ними оставила пространство: не пустоту, а именно пространство — то, что она не умела назвать словом, но узнала этой ночью на ощупь.

Посмотрела на рисунок. Зачеркнула.

Не потому что он был плох — просто не хотела, чтобы это было нарисовано. Некоторые вещи становятся хуже от того, что их трогаешь. Это была одна из них.

За окном была та же набережная, те же кусты, тот же запаздывающий фонарь — сейчас тёмный, утренний. Дальше море, белесое, без горизонта — небо и вода сегодня были одного цвета, и граница между ними где-то терялась. Алина смотрела на это и думала ни о чём конкретном. О свете в окне вчера вечером. О том, как в первый раз читала его *тишину* — с удивлением, почти со страхом: что за человек, у

которого молчание не давит. О том, как в пространстве сна что-то было похожим на это.

Совпадение, решила она.

Или не решила — просто произнесла это в голове, потому что без слова было неуютно.

Чайник вскипел. Алина сделала чай, выпила его стоя, у плиты. Потом посмотрела в окно.

Около десяти вывеска «Последней страницы» зажглась.

Алина смотрела на неё секунду. Потом на блокнот с зачёркнутым рисунком. Потом снова на вывеску. Она не стала долго думать — в этот раз почему-то не стала. Просто встала, накинула куртку, сунула блокнот в карман.

Вышла.

Глава 4. Бумага вместо голоса

Повода не было.

Это Алина понимала ещё на лестнице — за полквартиры до лавки, когда переложила блокнот из кармана куртки во внутренний, поближе к рёбрам. Как будто так он весил меньше. Или как будто его не было видно.

Нового блокнота не требовалось. Старый был исписан едва на треть — с прошлого визита она почти не писала, только прочёркивала длинные горизонтальные линии, когда становилось слишком громко изнутри.

Ноябрьский Светлогорск часто заволакивало туманом к полудню. К часу дня все исчезало за молочной стеной, и город делался похожим на черновик самого себя. Алина люби-

ла этот час. Улица пустела: туристов не было, а местные в такую погоду сидели по домам или шли по делу — быстро, не задерживаясь. Их *тишина* мелькала и уходила, как вагоны встречного поезда. Можно было не успеть поймать.

Вывеска «Последней страницы» была чуть облупившейся с угла. Буквы тёмно-синие — того же оттенка, что блокнот, который он выбрал для неё три дня назад. Алина замедлила шаг, хотя и так не торопилась.

Зашла.

Внутри ничего не изменилось. Тот же полумрак, тот же запах — старая бумага и что-то древесное, чуть смоляное, как в лесу. Несколько стеллажей отбрасывали мягкие тени. В углу у окна стоял продолговатый стол — она не замечала его в прошлый раз, — заваленный стопками без порядка: одни корешками вверх, другие в закладках, третьи просто открытые, как будто их читали и отложили на минуту, а минута растянулась.

Даниил был за прилавком. Что-то записывал — не поднял голову сразу. Потом заметил ее.

Кивнул.

Не «здравствуйте», не удивление. Просто — кивнул, как кивают знакомому, который зашёл в привычное время. Хотя привычного времени не было, и она зашла без причины, и прошло всего три дня.

Алина кивнула в ответ и пошла между стеллажами.

Брать ничего не собиралась. Просто — смотрела. Кореш-

ки, выцветшие и яркие, старые советские издания в коричневых переплётках, зарубежные с латиницей, несколько польских или чешских. Один стеллаж был весь полон поэзии, она определила это по толщине томов и по тому, как они стояли: не ровно, а с наклоном, как будто опирались друг на друга.

Его *тишина* была здесь.

Алина остановилась у второго стеллажа и почувствовала это — как всегда чувствовала: не разумом, не слухом. Чем-то в грудной клетке, чуть левее, внутри рёбер. *Тишина* других людей давила туда — как кулак в мягкое. Его — нет.

Его *тишина* занимала пространство иначе. Как запах дождя заполняет комнату, когда открываешь окно, текуче, незаметно, комфортно.

Она не понимала, почему. Это раздражало её немного — как всегда, когда она чего-то не понимала. Она привыкла классифицировать: вот *тишина* усталости, вот *тишина* страха, вот *тишина* человека, которому нечего сказать и которому от этого больно. Его — не ложилась ни в одну категорию.

У прилавка лежал маленький тёмно-зелёный камень. Обычный морской голыш, отполированный волнами. Под ним — сложенный вдвое листок.

Алина остановилась.

Камень лежал так, как кладут, когда хотят, чтобы листок не улетел от порыва ветра. Но окна были закрыты.

Она посмотрела на Даниила. Он что-то перебирал в ящике стола, не глядя в её сторону. Она взяла камень — тяжё-

лый, гладкий, приятный в ладони — и развернула листок.

Если понадобится тишина — приходите сюда. Здесь её достаточно.

Почерк чёткий, без наклона. Буквы почти печатные — как у человека, который пишет от руки редко и внимательно.

Алина медленно сложила листок. Медленно положила камень обратно. Посмотрела на Даниила — на этот раз он смотрел на неё. Не ждал её реакции. Просто смотрел — спокойно, немного в сторону.

Она достала блокнот. Вырвала лист.

Бумага была плотная — та, что он предложил ей три дня назад. Карандаш она взяла из кармана — короткий, без ластика, почти огрызок. Написала быстро, пока не стала думать:

Откуда вы знаете, что мне нужна тишина?

Положила на прилавок.

Он взял листок. Прочитал. Не сразу ответил — несколько секунд просто держал бумагу, смотря на нее, словно перечитывал повторно. Потом достал из ящика ручку — синюю, обычную шариковую — и написал, не глядя на неё:

Вы вошли так, будто берегли себя даже от воздуха.

Алина взяла листок. Нахмурилась, прочитав. Что-то коротко сжалось под рёбрами — там, где обычно давило чужое.

Она думала несколько секунд. Написала:

Это не ответ.

Он прочитал. На секунду — она почти не увидела, почти

пропустила — в углу рта что-то дрогнуло. Не улыбка, а всего лишь намек на улыбку.

Вы правы. Я это заметил раньше. В первый раз — ещё до того, как вы показали, что ищете.

Алина смотрела на его почерк. Ровный, точный — он не зачёркивал, не исправлял. Писал, словно заранее знал, что именно хочет написать.

Заметил что именно?

Долгая пауза. В лавку вошёл мужчина средних лет — в куртке с поднятым воротником, с газетой под мышкой. Даниил поднял голову, кивнул. Мужчина прошёл к стеллажу в дальнем углу. Листок остался на прилавке — их разговор, маленький и плоский, лежал между ними, как нечто, что нельзя сдвинуть ни на миллиметр.

Мужчина взял книгу, принёс к прилавку. Даниил пробил в старой кассе — звук был механический, почти нежный. Мужчина ушёл. Тишина сомкнулась обратно.

Даниил взял ручку.

Что вы стараетесь не касаться людей. Даже взглядом — по касательной, не прямо. Как будто если посмотреть в лицо — что-то случится.

Алина держала листок так долго, что бумага чуть размякла от тепла ладони. Он описал это точно. Слишком точно — для человека, который видел её дважды.

Она написала:

Вам не говорили, что так замечать — бестактно?

Пауза. Снова — то движение в углу рта.

Говорили. Я решил, что сейчас сказать так важнее.

Что-то в этом ответе — в его прямолинейности, в отсутствии извинения — было странно успокоительным. Большинство людей, когда их ловили на наблюдении, начинали оправдываться или, наоборот, обижаться. Он просто — сказал.

Вы часто так — решаете, что важнее?

Стараюсь. Не всегда получается.

Алина написала быстрее:

Почему тишина? Почему написали про тишину, а не про что-то другое?

Он взял ручку. На этот раз думал дольше — смотрел в прилавок, как будто вопрос требовал поиска, а не формулировки. Потом написал:

Потому что тишина бывает разной. Снаружи — одна. Внутри — другая. Я думал, вам полезно знать, что есть место, где они не одинаковые.

Алина перечитала дважды.

Снаружи — одна. Внутри — другая.

Он не знал, что она слышит *тишину*. Он не мог знать — она никому не говорила, кроме Марины, да и Марине говорила урывками, не всё. Но он написал именно это, и именно так, и это было слишком похоже на правду, чтобы быть случайным совпадением.

Она долго смотрела на листок. Потом написала — мед-

ленно, не сразу:

Откуда вы знаете, что они разные?

Он прочитал. На этот раз пауза была длиннее всех предыдущих. Алина слышала, как где-то снаружи прокатила машина, как в трубах дома напротив что-то щёлкнуло. Его *тишина* не изменилась — осталась такой же, ровной и тихой, как дно.

Написал:

Я давно живу среди книг. Люди, которые читают много, знают: между строками большие, чем в строках. Я привык смотреть туда.

Алина опустила листок.

Это был другой ответ. Не тот, что она ждала. Он словно объяснил не явление, а человека, который за этим явлением стоял. Она не знала, что с этим делать.

За окном туман стал плотнее. Свет в лавке от этого стал почти янтарным — теплым и мягким. В стеллажах, в запахе бумаги, в том, как стояли книги — чуть неровно, по-живому, — отсутствовало любое давление. Алина это заметила. Сидела, замечала, и не торопилась уходить.

Вошла женщина с ребёнком — мальчик лет шести, шумный, сразу потянулся к полкам. Даниил встал, показал мальчику что-то в углу, от чего тот сразу успокоился. Алина смотрела на него сбоку, пока он разговаривал с женщиной. Скупые точные движения. Жест — один там, где другой сделал бы три. Когда он молчал — это было молчание человека, ко-

торому не нужно заполнять паузы. Она привыкла к тому, что молчание других людей что-то значило — усталость, тревогу, страх. Его молчание, кажется, ничего не значило само по себе. Просто — присутствие.

Женщина купила книгу про животных — Алина угадала по картинке на обложке. Мальчик помахал Даниилу. Тот помахал в ответ.

Когда они ушли, Алина написала последнее на сегодня:
Почему «Последняя страница»?

Он посмотрел на листок. Взял ручку. Написал — просто, без паузы:

Потому что последняя страница — самое честное место в книге. Там уже нечего скрывать.

Алина держала ответ в руках. Потом аккуратно сложила все исписанные листки — четыре — и убрала во внутренний карман блокнота, за обложку.

Встала. Засунула блокнот во внутренний карман куртки. Кивнула ему.

Он кивнул.

Никто не произнёс ни слова — снова.

На улице было холоднее, чем когда она заходила. Туман сел ниже, лёг на тротуарную плитку мелкой сыростью. Алина шла домой медленнее обычного, аккуратно наступая на слегка округлые спины булыжников.

Она думала о его почерке.

Не о содержании — о почерке. Буквы почти без нажима,

ровные, с чуть увеличенными заглавными. Человек, который пишет так, не торопится и не боится прочтения. Её почерк — она знала — был другим: мелким, с зачёркиваниями, буквы иногда заваливались, потому что она думала быстрее, чем рука успевала. Он писал так, как будто рука и мысль шли вместе.

Вы вошли так, будто берегли себя от воздуха.

Это было точно. Слишком точно, и Алина пыталась понять — должно ли ей быть неприятно. По всем правилам — должно: незнакомый человек смотрит на тебя и видит то, что ты стараешься не показывать. Но неприятно не было. Было другое — словно несешь тяжелую сумку и вдруг кто-то придерживает дверь, не спрашивая.

Она не знала, как к этому относиться.

Дома, на кухне, она поставила чайник и открыла блокнот на чистой странице. Написала вопросы — те, что не задала:

Почему именно для меня записка?

Ты знаешь других, кто нуждается в тишине?

Что ты слышишь, когда молчишь?

Последнее вычеркнула сразу. Потом написала снова — другими словами:

Что ты слышишь, когда другие молчат?

Вычеркнула и это.

Налила чай. Встала у окна. Сквозь туман вывеска «Последней страницы» отсюда не читалась. Но она знала, где она находится.

Последняя страница — самое честное место. Там уже нечего скрывать.

Алина отхлебнула чай. Он был слишком горячий, она не почувствовала вкуса. Смотрела в окно и думала о том, что «честное» и «безопасное» — не одно и то же. Самое честное место в книге — последняя страница. Но самое безопасное — середина. В середине всё ещё может обернуться как угодно.

Она не знала, чего хотела больше: честного или безопасного.

В блокноте осталась не зачёркнутой одна строка — та, которая была не вопросом:

Его тишина не давит. Хочу понять почему — и боюсь, что пойму.

Даниил закрыл лавку в восемь.

Последний посетитель ушёл без четверти — мужчина, который иногда заходил по средам, брал что-нибудь по истории Балтики и уходил, не говоря лишнего. Сегодня взял атлас. Заплатил точно, до копейки — всегда носил мелочь.

Даниил запер дверь. Щёлкнул замком — звук в пустой лавке был подчёркнутый, чёткий. Выключил верхний свет, оставил торшер у стола — привычка с тех пор, как лавка стала его домом в той же мере, что квартира наверху.

На прилавке лежал листок.

Её листок — последний из тех, что она написала сегодня.

Свои он отдавал ей, её — оставались, она их не забирала. Он не знал, нарочно или нет. Наверное, нарочно. Наверное, это был способ оставить что-то здесь, не оставаясь самой.

Почему «Последняя страница»?

Он взял листок. Посмотрел на её почерк — мелкий, с нажимом, буквы с небольшим углом влево, как у человека, который пишет быстро и не следит за наклоном. В тексте не было зачёркиваний — значит, этот вопрос она задала с первого раза, без сомнений. Те, которые зачёркивала, он видел, но — не читал, не его дело.

Но этот — не зачёркнутый.

Даниил сел на стул у прилавка. Положил листок перед собой. Её почерк говорил то, что она не писала: напряжение в нажиме, которое слабело к концу строки. В начале — осторожность. В конце — чуть больше воздуха.

Он умел читать почерк так же, как умел слышать то, что о чем не было сказано.

Так было с детства — не как дар, скорее как особенность слуха. Большинство людей слышали слова. Он слышал то, что под словами. *Тишина* — то, что люди не говорили — была для него объёмной — у каждого своя текстура, свой вес. Он давно научился жить с этим, не называя. Это было лишним — название не меняет природу вещи.

Её *тишина* была другой с первого дня.

Он помнил, как она вошла в первый раз — быстро, не смотря по сторонам, пальцы сжаты. Большинство людей, ко-

гда заходили сюда, расслаблялись — запах книг, полумрак, тепло делали своё. Она не расслабилась. Она стала чуть сдержаннее — как будто собрала себя плотнее, чтобы занимать меньше места.

Он сразу понял: она бережётся. Не от него конкретно — от всего. Он это знал по тому, как она двигалась, по тому, как взяла блокнот — аккуратно, словно он мог рассыпаться от неловкого прикосновения.

И по тому, как её *тишина* звучала.

Даниил знал: у людей, которым больно, *тишина* кричит. Не всегда громко — иногда это был тихий, почти неслышимый звук, как звон невовремя проснувшегося комара за стеклом. Её тишина в первый день кричала. Но не звала — просто звучала. Он не вмешивался. Никогда не вмешивался.

Но записку оставил.

Это было необычно для него. Он редко делал первые шаги. Он умел ждать — ждал, пока люди сами доходили до полки, до слова, до вопроса. С ней было иначе.

Сейчас её тишина была не здесь — она ушла домой, и всё равно он её слышал. Не громко. Чуть. Как запах духов.

Она думала о нём.

Не в романтическом смысле — он умел различать. Скорее — как думают о задаче, которую не решили и отложили. Анализировала. Взвешивала. Её *тишина*, когда она думала, имела другую текстуру — плотнее, быстрее, острее по краям.

Даниил убрал её листок в ящик стола — туда, куда клал всё важное, без системы. Встал. Погасил торшер.

В темноте лавка пахла иначе — интенсивнее, как будто запах бумаги без света становился весомее. Он постоял секундунду, привыкая.

Её вопросы были хорошими. Интересными. Она спрашивала не чтобы получить ответ — спрашивала, чтобы понять, как он думает. Это было редкостью.

Он поднялся по лестнице в квартиру. Включил чайник. Сел к столу — тому, где лежала его записная книжка, тёмно-коричневая, потёртая на углах. Открыл. Написал коротко:

Сегодня — лучше.

Пауза.

Её тишина сегодня кричала тише.

Закрыв книжку. Чайник закипел. Он встал налить воды и думал о том, что *тишина* человека, который начинает доверять, — особенная. Она не становится тише от того, что боли меньше. Она становится тише от того, что человек перестает нести боль в одиночку.

Это было первое, чему его научил дядя Лёша — не словами. Просто молчал рядом достаточно долго, чтобы Даниил это понял.

Ночью он почти не спал.

Её *тишина* звучала совсем рядом — и в ней было что-то, чего он не слышал раньше: вопрос, который она не написала.

Он не знал, какой именно. Знал только, что она его задала — себе, в темноте, в тот момент, когда перестала зачёркивать и оставила строку целой.

Он лежал и слушал.

За окном море ровно шумело. Без раздражения или тоски, оно просто было. И просто шумело. Алина говорила об этом в одной из первых записок, он помнил: *море не молчит*. Он тогда не ответил на это — не всё требует ответа.

Но думал об этом теперь.

Она слышала *тишину* как давление — он это понял из того, как она двигалась в толпе, как сжималась. Его *тишина* её не давила. Это её удивляло — он видел это сегодня в том, как она держала его листок чуть дольше, чем нужно для чтения.

Он не знал пока, что с этим делать.

Знал только одно: сегодня её *тишина* была чуть тише. И это значило что-то — он не называл это никак. Название могло подождать.

Глава 5. Кто-то знал её раньше

Во сне нет чёткого места.

Есть свет — не утренний и не вечерний, а такой, который бывает только в промежутке: когда уже не темно, но ещё не совсем ясно, и воздух вокруг чуть голубоватый, как внутри волны до того, как она разобьётся. Есть запах — старой бумаги и соли одновременно, будто кто-то перемешал море с библиотекой и не стал разбираться, что вышло.

Алина стоит.

Под ногами — не пол и не песок. Она смотрит вниз, потом перестаёт — это бесполезно, в этом месте детали не держатся долго. Стеллажи справа появляются и уходят, как будто кто-то листает их, а не стоит на месте. Горизонт сделан из воды, но вода неподвижна.

Здесь тихо.

Не так, как бывает тихо в квартире в три ночи — с давлением соседских молчаний сквозь стены, с чужой усталостью, которая всё равно просачивается через штукатурку и потолки. Здесь тихо по-другому. Как будто *тишина* — это не отсутствие звука, а отдельный звук. Ровный. Почти тёплый.

Внутри Алины, как обычно, — крик.

Она не может его выключить — ни здесь, ни там. Он есть всегда: чужая боль, которую она собрала за день, складывается туда и живёт своей жизнью, вибрирует на частоте, которую не слышно снаружи.

Но здесь и сейчас — тише, чем обычно.

Она не сразу это замечает. Просто стоит и дышит, и крик внутри чуть — на одну ноту — ниже, чем был. Потом ещё на одну. Она не понимает, почему.

А потом — кто-то рядом.

Не появился — просто оказался. Без шагов, без перехода. Фигура без чёткого лица — Алина смотрит туда, где должно быть лицо, и видит только свет, немного более плотный, чем остальной воздух. Стоит так, как стоят люди, которым не нужно занимать пространство, чтобы в нём присутствовать.

Он не говорит.

Не пытается подойти. Не поднимает руки. Просто — есть.

Алина ждёт, что станет хуже. Это инстинкт: чужое присутствие всегда означает чужую боль, чужое молчание всегда давит, у каждого, кто стоит рядом, внутри что-то кричит — и это её, не их, проблема. Она ждёт давления. Ждёт, когда начнёт сжиматься грудь.

Ничего.

Фигура рядом — как музыкальная пауза. Не пустота, а пространство. Что-то, в чём можно стоять, не задерживая дыхание.

Крик внутри оседает ещё на ноту. Потом ещё.

Алина смотрит на воду у горизонта. Вода всё ещё неподвижна. Но теперь она не выглядит замершей — скорее отдыхающей. Она не убегает. Обычно в этом месте — когда сон становится слишком тихим, слишком безопасным — она начинает отступать назад. Ждёт подвоха. Безопасность в её опыте всегда оказывалась временной, и лучше уйти самой, пока она не закончилась.

Сейчас — не уходит.

Стоит.

Фигура рядом тоже стоит.

Они не разговаривают — не могут, здесь нет слов, только свет и соль и бумага. Но что-то происходит: не событие, а состояние. Алина стоит, и крик внутри становится тише, и тишина снаружи не давит, а держит — как вода держит тело,

если не бороться.

Она не знает, сколько это длится.

Потом — рассвет где-то за пределами сна, и свет меняется, и пространство начинает истончаться по краям. Фигура не уходит — просто становится менее плотной. Алина смотрит туда, где должно быть лицо, и в последний момент — почти видит что-то. Что-то знакомое, хотя она не может сказать, что именно.

Она проснулась.

Лежа на боку, лицом к стене. За окном — серое утро, море шумит, чайки орут о чём-то своём. Алина лежит и не двигается.

Сон расплылся через пару секунд после пробуждения — детали исчезли, как всегда. Вода. Бумага. Свет. Кто-то рядом. Кто-то, чья тишина не давила.

Алина медленно села. Протянула руку к блокноту на тумбочке. Открыла — посередине разворота, где вчера нарисовала волнистые линии вместо слов. Взяла карандаш.

Нарисовала фигуру. Без лица. Просто — силуэт и пространство вокруг него.

Долго смотрела на нее.

Потом в окно — на море, на серое небо, на вывеску на той стороне улицы.

«Последняя страница».

Свет в лавке ещё не горел — рано.

Она убрала блокнот и пошла ставить чайник.

Даниил проснулся в пять утра.

За окном темно. Он лежал и смотрел в потолок — привычное положение, когда возвращаешься. Каждый раз приходилось ждать несколько секунд, пока пространство снова становилось его комнатой, его кроватью, его стенами.

Он повернулся и взял с тумбочки записную книжку — тёмно-зелёную, потёртую по углам. Открыл на новой странице. Написал без заголовка, просто — дату, короткую строчку:

Её крик тише. Не пропал. Но тише.

Отложил ручку.

За последние несколько месяцев он привык к этому ритму: засыпать, уходить, возвращаться. Уходить не выбирая — это не выбор, и никогда не было выбором. Просто — в какой-то момент он начал чувствовать чужую *тишину*. Не все — только некоторые. Те, которые слишком громко кричали.

Дядя Лёша сказал, что это дар.

Даниил же подумал тогда, что дядя Лёша пользуется словами слишком щедро.

Эту *тишину* — ту, которая кричала, — он нашёл раньше, чем увидел её лицо. Месяца три назад, не меньше. Она появилась где-то на краю — новая, очень яркая: острая как порез, но не злая, не тупая. *Тишина* человека, который чувствует слишком много и не знает, что с этим делать. Он не знал, кто это. Просто засыпал и шёл. Туда, где громче всего.

Потом она пришла в лавку.

Он не сообразил, не сразу. Только когда она взяла блокнот и вышла, и в тот вечер та *тишина* не кричала так сильно, — только тогда понял. И это было некомфортное знание. Неловкое. Что-то, что хочется положить обратно и сделать вид, что не и не находил.

Он рассказал дяде Лёше.

Дядя Лёша выслушал, долго молчал, потом сказал: «Расскажи ей. Ты не виноват, что нашёл. Виноват будешь, если не скажешь».

Даниил тогда промолчал.

Он встал и прошёл на кухню. Посмотрел сквозь стекло — на набережную, на море, на тёмную улицу. Её окно — там, наискосок — свет не горит. Рано ещё. Но её *тишина* сейчас — самая тихая за всё время, что он её знает. Не кричит. Дышит ровно, как море в штиль.

Что-то изменилось сегодня ночью.

Он это чувствует — тем самым местом внутри тела, что давно стало его камертоном. Она не убежала. Обычно — в какой-то момент начинает отходить, отодвигаться, и он это слышит: крик становится выше, острее, это защита, это «не подходи». Сегодня — нет. Осталась.

Он не знает, хорошо это или нет.

Открыл записную книжку снова. Дописал под датой:
Осталась. Не уходила.

Посмотрел на написанное, закрыл.

Вода закипела. Он заварил чай, сел к столу, взял книгу — ту же, что вчера. Прочитал одну страницу. Потом перечитал. Слова не держатся, уходят куда-то мимо.

Наверное, дядя Лёша прав.

Надо будет ей рассказать. Не сейчас — не так. Но — надо.

Он пил чай и смотрел в окно, пока темнота за стеклом не начала светлеть. Сначала — чуть серее. Потом — белее. Потом — то голубоватое, промежуточное, которое длится недолго.

Её *тишина* за всё это время не закричала ни разу.

Даниил встал и пошёл открывать лавку.

Алина пришла до того, как зазвенел колокольчик над дверью — то есть просто пришла, но открыла дверь медленнее обычного, почти осторожно, и звук получился тихим, запоздалым.

Даниил стоял у стеллажа с книгами — расставлял их, не глядя на обложки. На тихий звук колокольчика обернулся, кивнул ей.

Она кивнула в ответ.

Прошла к своему столику у окна — об этом никто не договаривался, но она почему-то начала считать его своим. Села. Достала блокнот и долго смотрела на пустую страницу.

Потом вырвала листок и быстро написала, пока не передумала. Положила на прилавок рядом с ним.

Он взял листок не сразу. Сначала закончил расставлять

книги, и только потом потянулся к листку. Прочитал.

Мне лучше спалось.

Пауза.

Алина смотрела не на него, а в окно — на улицу, на ноябрьское небо, на мокрый асфальт. Его *тишина* сегодня другая. Она не стала неприятной, нет. Просто — чуть плотнее обычного. Будто внутрь добавили что-то, что теперь занимает место.

Он написал в ответ. Положил листок на край прилавка — не принес ей, просто положил, чтобы она взяла, если захочет.

Она взяла.

Рад.

Одно слово. Его почерк — мелкий, почти без нажима. Алина смотрит на это слово дольше, чем оно того требует. Что-то в нём не совпадает с *тишиной* рядом. Не то чтобы он врёт — нет. Просто слово закрыто. Как дверь, за которой оказалась еще одна, запертая крепче.

Она вернулась к столику.

Взяла карандаш карандаш — не чтобы писать, просто держала в руке и смотрела на его «рад» на листке.

Его *тишина* сегодня — чуть напряжённее.

Она это слышит. Не давление — он никогда не давит. Но — натянутость. Как струна, которую чуть туже закрутили, и она ещё не зазвучала иначе, но уже чуть другая на ощупь.

Алина не стала спрашивать.

Это её не касается. Или — она не знает, как спросить. Или

— она просто не готова к тому, что он ответит. Все три варианта правда одновременно, и она оставила их висеть рядом, не трогая.

Открыла блокнот и начала рисовать длинные плавные линии. Медленно, без определённой формы. Море, скорее всего. Или просто движение. Краем глаза заметила, что он поставил еще одну книгу на полку, потом взял другую, начал перебирать страницы, не читая. Она уже догадалась, что это его способ стоять на месте.

За окном снова начался мелкий дождь. Капли стучали по стеклу неравномерно, без ритма.

Она сидела.

Он стоял.

Лавка держала их обоих в своем пространстве тихо, ровно, без усилий. Как обычно.

Но что-то изменилось. Она это чувствовала это, но не называла. Не была готова называть — пусть лежит, пусть само дойдёт. Не всё нужно понимать сразу.

Алина вела тонкую линию в блокноте.

За окном стучал дождь.

Его *тишина* рядом натянута, и она слышит это, и молчит, и ждёт — не зная, чего именно.

Глава 6. Она просто поставила чайник

Марина позвонила в дверь три раза — коротко, коротко, длинно. Их старый код ещё с общежития. Алина держала руку на замке несколько секунд, прежде чем повернуть ключ.

Она стояла за дверью с двумя пакетами, в полосатом шарфе, намотанном поверх пальто в три слоя, с лицом человека, который принял решение и не собирается его обсуждать.

— Я привезла суп, — сказала она вместо приветствия. — И пирог с яблоками. И ещё какие-то сырки, которые ты любишь. Или любила. Я не помню точно, поэтому взяла разных.

Алина посторонилась.

Марина вошла, огляделась — быстро, профессионально, как человек, который ищет признаки бедствия, — и, видимо, не нашла ничего экстренного, потому что прошла сразу на кухню. Поставила пакеты. Начала греметь кастрюлями.

Алина слушала её *тишину*.

Ее *тишина* была одной из немногих, которая не почти не давила. В Марине всегда жил небольшой беспокойный сгусток — он сидел где-то за грудиной и тихо пульсировал, — но он был живой, тёплый, не та холодная каменная тяжесть, что Алина ощущала в незнакомцах. Марина беспокоилась не потому, что ей было плохо. Марина беспокоилась, потому что умела беспокоиться о других. Это разные вещи, и Алина научилась их различать.

— Садись, — сказала Марина из кухни. — Я сама всё сделаю, не надо мне помогать, ты только мешаешь всегда.

Алина прошла на кухню.

Через стену приходила чужая усталость. Алина привычно зажала её в каком-то внутреннем кулаке, отодвинула. Сосредоточилась на кастрюльном звоне. На запахе, который уже

начинал распространяться — что-то с лавровым листом и перцем.

Марина поставила тарелки с супом на стол с видом человека, захватившего плацдарм.

— Ешь, — сказала она. — Сначала ешь, потом всё остальное.

Алина взяла ложку.

Это тоже было их языком: Марина говорила, Алина ела. Или кивала. Или писала что-нибудь на ближайшем листке бумаги, если нужно было ответить. Они выработали этот ритм сами, постепенно, за последний год — не договариваясь, просто приспособливаясь. Марина поняла быстро, что молчание Алины — не отсутствие. Что Алина здесь, что она слушает, что просто голос сейчас — не то, что есть.

Суп был вкусным. Алина съела всю тарелку.

Марина рассказывала — про дорогу, про поезд, в котором сломался кондиционер и какой-то мужчина полтора часа объяснял всему вагону, что это безобразие. Про своего начальника, который снова переложил её задачу на неё же, но назвал это «расширением ответственности». Про подружку, которая купила собаку и теперь присылает фотографии каждые два часа.

Алина слушала и думала, что у Марины очень красивая тишина. Она была живой, разноцветной, ни на секунду не похожей на давление. Она никогда не говорила Марине об этом, потому что не знала, как объяснить. Как объяснить че-

ловеку, что ее присутствие — это что-то вроде воздуха, которым можно дышать.

Когда тарелки опустели, Марина сложила руки на столе и посмотрела на Алину.

— Ну, — сказала она. — Рассказывай.

Алина взяла блокнот.

Они перебрались с кухни на диван. Марина сидела боком, поджав ноги, и держала в руках кружку с чаем. Алина писала, вырывала листки, передавала. Марина читала, отвечала вслух. Иногда долго. Иногда просто кивала.

Алина написала: *как ты узнала, что приехать надо сейчас?*

— Ты неделю не отвечала на сообщения. Потом ответила одним словом. Потом снова молчала. — Марина пожала плечом. — Я умею считать.

Алина написала: *Я в порядке.*

— Знаю, — сказала Марина. — Иначе бы я приехала раньше.

Помолчали. За окном темнело — по-осеннему рано и без предупреждения. Алина слышала, как в соседней квартире молодой мужчина, который не спит ночами, ходит по комнате. Три шага туда, три обратно. Она знала эту траекторию наизусть.

Марина спросила — осторожно, как спрашивают о чём-то, что уже давно хочется спросить, но всё время что-то мешало:

— Ты скучаешь по голосу?

Алина подняла взгляд. Подумала.

Написала: *Иногда. Но не так, как раньше.*

— Как раньше — это как?

*Раньше это было как потерять руку. Теперь — как при-
выкнуть писать другой.*

Марина прочитала дважды.

— Ты была такой... — она остановилась, подбирая слово.
— Громкой. Я имею в виду не объём. Я имею в виду, что
ты заполняла пространство. Ты преподавала, и студенты те-
бя любили именно за это — ты входила в аудиторию, и сразу
становилось понятно, что сейчас что-то произойдёт. — Ма-
рина смотрела в кружку. — Мне было тяжело смотреть, как
ты... уходишь. После больницы. Как ты перестала выходить,
перестала отвечать, перестала...

Она не закончила.

Алина написала медленно: *Я не ушла. Я стала слышать
слишком много.*

Марина взяла листок обеими руками. Прочитала. Прочи-
тала ещё раз.

— Что ты имеешь в виду?

Алина держала ручку над блокнотом несколько секунд.
Потом начала писать — не так, как обычно, быстро и корот-
ко, а медленно, выбирая слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.